

**ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЧЕЛОВЕК  
В ПОСТИЖЕНИИ ГЕНЕЗИСА «НЕЗЕМНОГО»  
В СТИХОТВОРЕНИИ «1831-го ИЮНЯ 11 ДНЯ»**

**Аннотация.**

*Актуальность и цели.* Рассматривается одно из загадочных стихотворений М. Ю. Лермонтова. Автор исследования считает обоснованным использование термина «лермонтовский человек», который вбирает в себя функции понятия «лирический герой» и «авторское «я»». В такой совокупности можно глубже и объективнее выявить процесс самопознания Лермонтова-поэта, начавшийся в его ранних произведениях. Более того, именно в первый период начинается поэтическое познание мира и определение в нем своего особого места. Воображение юноши влекла к себе таинственность вселенной, противостояние земного и небесного мира. Мотивы Земли и Неба часто встречаются в его лирике. Для решения вопроса, обозначенного в названии статьи, важно остановиться на сложной проблеме постижения поэтом мотива «неземного» в стихотворении «1831-го июня 11 дня».

*Материалы и методы.* Основное внимание уделяется исследованию проблемы «неземного» в творчестве поэта. Ее выявление осуществляется на основе исследования конкретного произведения, вынесенного в заглавие статьи, но в некоторых случаях в целях большей аргументированности используются другие поэтические произведения, близкие по теме, а также приводятся в качестве примеров строчки романа «Герой нашего времени».

*Результаты.* В изображении «неземного», по мнению автора статьи, важное место отводится интуиции, которую активно использует Лермонтов в своем творчестве для постижения истины.

*Выводы.* Стремление к неземному, необычному лермонтовского человека не стоит связывать с некими мистическими силами. Скорее всего, это творческий порыв, высекающий искру душевного озарения, которая преобразуется в образные метафорические откровения.

**Ключевые слова:** лирический герой, лермонтовский человек, стихотворение, предвидение, предсказание, мистика.

G. E. Gorlanov

**LERMONTOV'S PERSON IN UNDERSTANDING  
THE GENESIS OF THE "UNEARTHLY"  
IN THE POEM "ON THE 11<sup>th</sup> OF JUNE 1831"**

**Abstract.**

*Background.* One of the mysterious poems of M. Yu. Lermontov is considered in the article. The author of the study considers it reasonable to use the term "Lermontov's person", which incorporates the functions of the concept of "lyrical hero" and "author's I". In such a complex, it is possible to reveal more deeply and objectively the process of Lermontov-poet's self-knowledge, which began in his early works. Moreover, it is in the first period that the poetic knowledge of the world begins and the definition of its special place in it. Imagination of the young man attracted to

himself the mystery of the universe, the opposition of the earthly and heavenly world. The motifs of the Earth and Sky are often found in his lyrics. To address the issue identified in the title of the article, it is important to dwell on the complex problem of comprehension by the poet of the motive “unearthly” in the poem “1831 June 11 Day”.

*Materials and methods.* The author of the article focuses his attention on the study of the “unearthly” problem in the poet’s work. Its identification is carried out on the basis of the study of a specific work, which was made into the title of the article, but in some cases other poetic works similar in theme are used for greater reasoning, and are also cited as examples of the novel “The Hero of Our Time”.

*Results.* In the image of “unearthly”, in the author’s opinion, an important place is given to intuition, which Lermontov actively uses in his work to comprehend the truth.

*Conclusions.* The desire for an unearthly, unusual Lermontov man should not be associated with certain mystical forces. Most likely, this is a creative impulse, cutting a spark of spiritual illumination, which is transformed into figurative metaphorical revelations.

**Key words:** lyrical, hero, “Lermontov person”, poem, prediction, prophecy, mysticism.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «1831-го июня 11 дня» – одно из самых загадочных лирических произведений. Состоит оно из тридцати двух восьмистишных строф. В каждой из них строго соблюдается стихотворная схема, в которой первые четыре строчки имеют перекрестную рифмовку, а следующие четыре – параллельную (abab ccdd). Здесь собрались разные мысли и чувства поэта, образ которого выражает не столько лирический герой, сколько лермонтовский человек, в обобщающем образе которого выступает и мыслящий мечтатель, и эмоциональный романтик, и предсказатель. В нем произошел философский синтез лирического, психологического и гражданского свойств характера. Все строфы не связаны между собой единой сюжетной линией и одной какой-либо идеей. Каждая строфа важна сама по себе и выражает определенную мысль, некоторые из них стали программными для всего творчества. По этой причине авторы, пишущие о Лермонтове, охотно используют стихи в качестве эпиграфов или названий в статьях и книгах. Отдельные строчки стихотворения «1831-го июня 11 дня» вошли в число афористических изречений. Вот некоторые из сгустков мысли рассматриваемого стихотворения: «Холодной буквой трудно объяснить // Боренье дум» [1]; «Неведомый пророк // Мне обещал бессмертье» [1, с. 354]; «Так жизнь скучна, // Когда боренья нет» [1, с. 359]; «Лишь в человеке встретиться могло // Священное с порочным» [1, с. 360]; «Мысль сильна, // Когда размером слов не стеснена» [1, с. 362].

Разумеется, в строфах стихотворения имеются элементы биографического характера, присущие лирическому герою, и все-таки справедливее говорить о лермонтовском человеке. Термин «лирический человек» впервые ввел в употребление в середине двадцатого века исследователь Д. Е. Максимов в книге «Поэтика Лермонтова» [2]. В 2012 г. в Московском государственном областном университете защищена кандидатская диссертация по названной теме [3]. В нашу задачу не входит теоретическое обоснование этого литературоведческого понятия – полагаем, что Д. Е. Максимов убедительно

доказал необходимость его существования. Употребление термина особенно приемлемо при рассмотрении стихотворения «1831-го июня 11 дня».

В анализируемом шедевре Лермонтова образ лермонтовского человека при всей его конкретности необычайно обобщен, он получился сложным, не столько типическим, сколько индивидуализированным. Всякий раз мы видим именно Лермонтова с его конкретной трагической биографией. Лермонтовский человек в художественном отношении выступает как средство самовыражения и самопознания автора. В сложном его характере выделяется трагическое начало, объясняемое реальными биографическими моментами: детство без материнской ласки, частые разногласия между бабушкой и отцом.

Сам автор к этому стихотворению относился бережно: три строфы (1, 2, 5) помещены в «Странном человеке» и три строфы (22, 24, 25) – в поэму «Литвинка». Допускается такое перемещение потому, что каждая отдельная строфа, или реже две рядом стоящие, выполненные как бы разными цветными стихотворными камушками, создают свое специфическое содержание.

Проблем, поставленных поэтом в стихотворении, много, каждая из них важна в понимании идейно-художественного своеобразия как отдельно взятого стихотворения, так и всей лирики Лермонтова в целом. Для решения вопроса, обозначенного в названии статьи, важно остановиться на сложной проблеме постижения поэтом мотива «неземного» в стихотворении «1831-го июня 11 дня». По своей философской значимости оно значительно выделяется из всего наследия поэта сосредоточением в рамках одного произведения особо значимых для того времени (1830–1831) мировоззренческих размышлений поэта. Отмечу также, что выделенные в соответствующие строфы мысли окажутся по мере роста мастерства создателя в зрелый период более совершенными в художественном отношении. Развитие их найдет завершение в «Думе» (1838), «И скучно и грустно» (1840), «Пророке» (1841), «Родине» (1841), «Выхожу один я на дорогу» (1841).

Лермонтовский герой – это человек мысли и действия, стремящийся знаменовать своим творчеством каждый день пребывания на земле: «Я каждый день // Бессмертным сделать бы желал» [1, с. 359]. То есть прославить каждый земной день своего существования, хотя он мысленно понимает, что такое стремление эгоистично и не возвеличивает личность, но в какой-то степени приближает к идеалу. Подобное копание в собственном «я» делает лермонтовского человека способным на самопознание.

В первых строфах стихотворения он показан в поисках собственного «я», предстает как своеобразный исследователь своего пребывания на земле в будущие и в прошлые века. В поисках «чудесного» душа поэта, по его собственному признанию, «с детских лет // Чудесного искала». В своих мечтах лирический герой, забывая порой о Земле, пребывал в иной жизни, где возникали иные образы, не похожие на те, которые имеются в реальной жизни. Овеществленные в условных воображениях поэта «предметы мнимой злобы и любви» [1, с. 353] приобретали странные, неведомые ранее, фантастические очертания. Он, «встревоженный печальною мечтой», порою путает эти состояния духа. В таких случаях процесс познания еще более усложняется.

С воображаемой неземной орбиты лермонтовский человек легко опускается на грешную Землю с ее светскими салонами, с их обольщениями и любовью. В такой ситуации появляется художественный контраст небесного

и земного, проявляющийся в теме любви. Любовь лермонтовского человека – это чувство страстное, требующее неимоверного напряжения душевных сил и интеллектуальных возможностей. Подобная страсть, отсутствующая у обычных смертных землян, скорее, характеризует воображаемых неземных жителей вселенной. Созданный литературный образ сам называет свои чувства греховными, оценивает их как «порок» и видит «корень мук в себе самом» [1, с. 360]. Все потому, что «Лишь в человеке встретиться могло // Священное с порочным» [1, с. 361]. Природа в данном случае тоже особенная: с бескрайними пустынями, «ветром меж нагих холмов», с «коршуном в небесной вышине». Здесь «тени облаков», «резвые табуны»... Все эти реальные и воображаемые видения выплывают из прошлой жизни, они существуют в прошедшем измерении, изображаются не в настоящее время, а как якобы было когда-то, во времена жизни во внеземной цивилизации.

Стихотворение, написанное 11 июня 1831 г., вмещает в себя много странного и необъяснимого с точки зрения здравых логических рассуждений. Смелые и неожиданные решения загадочных фактов часто высказывают люди творческого труда в разных сферах человеческой жизни. Писатель славянофильского направления А. С. Хомяков, размышляя об открытиях, пришел к интересному выводу о том, что не только строгими научными расчетами, но и с помощью поэтического воображения и творческой интуиции можно «угадывать истину» [4].

А вот еще одно признание известного литературного критика В. Г. Белинского относительно выдвинутой проблемы: «Все талантливое тотчас оценивается каким-то инстинктом, а незаконные и устарелые авторитеты исчезают, как дым, сами собою», – делился он своими жизненными наблюдениями [5]. Интуиция необходима для открытий в науке, технике, в разных видах искусств. Логическое объяснение такого творческого озарения невозможно, хотя, казалось бы, наука в двадцать первом столетии шагнула далеко вперед, по сравнению с тридцатыми годами XIX в.

Лермонтов, как известно, не был политиком, не входил и в число ученых историков, но, будучи первоклассным поэтом, обладал чувством интуиции. По крайней мере он в начале XIX столетия предсказал революцию 1917 г., пытаясь выразить ее результаты в конкретных образных деталях в шести строфах стихотворения «Предсказание». По мнению поэта начала девятнадцатого века, эта революция принесет много горя россиянам. По этой причине он назовет этот год «черным годом» для России [1, с. 257].

Предвидение Лермонтова, как показала история, сбылось. Каким образом можно объяснить такое, говоря словами самого поэта, «предсказание»? Может быть, он обладал телепатическими способностями? Были и такие гипотезы. Предположить можно всякое, точных же, наукой обоснованных данных для объяснения этого феномена у лермонтоведов нет, отсутствуют обстоятельные мемуарные и архивные источники, подтверждающие их убедительными аргументами.

Правда, остались упоминания о необычном взгляде поэта, которым он приводил «в смущение того, на кого он смотрел долго. Лермонтов знал силу своих глаз и любил слушать и мучить людей робких своим долгим и пронзительным взглядом» [6]. Далее И. И. Панаев приводит конкретный случай, произошедший с приятелем его М. Я. Языковым, который не выдержал дол-

гого пронзительного взгляда Лермонтова и вынужден был покинуть комнату. До этого случая они не встречались друг с другом.

Внимательно перечитывая строчки, написанные 11 июня 1831 г., невольно думаешь, что Лермонтов прожил свою жизнь, зная или догадываясь о своей прошлой и будущей жизни. Если бы даже он и хотел забыть о прошедшей внеземной жизни («Виденья прежних лет толпятся предо мной» [1, с. 362]), ему не дозволено это совершить, ибо прошедшее «незабвенно» [1, с. 355]. Лермонтовский человек, постигая законы земной цивилизации, приходит к выводу: «Душа моя должна прожить в земной неволе // Недолго...» [1, с. 334].

Не всякому смертному суждено вспоминать «виденья прежних лет», а вот Лермонтов обладал такими возможностями. Познавая самого себя, он открывает тайны такого необычного состояния духа. Вот потому и признается он: «Узами земными я не связан, // И вечностью и знанием наказан» [2, с. 76]. Однако такой дар судьбы вовсе не радует поэта, он расценивает его как наказание.

Вникая в проявление интуитивных особенностей Лермонтова, отмечаешь его специфическую особенность, рожденную образным мышлением и не связанную с безотчетно неосознанным открытием. Интуиция в стихотворении «11 июня 1831-го года» – чисто художественная, возникшая в результате длительного творческого труда. Только после того, как поэт образно выражает свою гипотезу, невольно поверишь в его предсказание и в теорию переселения человеческих душ. Любопытно было бы на крыльях воображения попутешествовать во времени, заглянуть вслед за автором стихотворения «Гроб Оссиана» (1830) в далекую Шотландию XIII в., побывать в гостях у загадочного предка Михаила Юрьевича. Во времена язычества подобные легендарные путешествия души в нереальной сфере, условно говоря, могли бы сбыться. «Когда человек умирает, – пишет знаток славянской народной мифологии А. Н. Афанасьев в “Поэтическом воззрении славян на природу”, – душе его предстоит далекое и многотрудное странствование, чтобы достигнуть светлого неба и водвориться там, в блаженных селениях» [7].

В романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» есть загадочная фраза, записанная главным героем Печориным в дневнике: «В первой молодости моей я был мечтателем; я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы...» (IV, 129). Цитированная фраза предлагает читателю задуматься о второй молодости. Ведь у всякого смертного она одна, а вот лермонтовский человек, оказывается, одну жизнь уже прожил, вторая же воспринимается им как пройденный этап. То есть пребывание его на целебных водах вторичное. Ему не составляет особого труда вспомнить: «...я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» (IV, 130). Логика рассуждений подводит нас к затаканному за многие годы и необъяснимому термину «мистицизм».

Рассуждая о своей судьбе в стихотворении «1831-го июня 11 дня», поэт отмечает в ней много необычного. Прошедшие века подтвердили его твердую уверенность в своем таланте: «мой гений веки пролетит». Более двух веков пролетело с той поры, а читатели, и не только в России, чтят Лермонтова и цитируют его стихи. Не ошибался он в «Предсказании» революции в России

в 1917 г. Прделанные им разыскания способствовали отысканию своих родословных корней по отцовской линии в Шотландии. Интуиция подсказывала наличие родословных линий с английским поэтом Байроном.

Можно только удивляться детальному предсказанию дуэли (пистолеты, место поединка, условия своей «кровавой смерти») в романе «Герой нашего времени». Правда, в данном случае с некоторой оговоркой: убит не Грушницкий, под фамилией которого подразумевается реальный Н. С. Мартынов, а Печорин – Лермонтов. Во-вторых, подтвердился рисунок Лермонтова, иллюстрирующий момент предсказанной «дуэли», когда до свершения всех необходимых условий дуэли Мартынов в упор стреляет в Лермонтова, не успевшего соскочить с лошади на землю.

Прежде всего он разгадал свое будущее, оттого-то и страдает (28 строфа), что предвидел свою раннюю смерть, особенную, не похожую на кончину большинства других людей:

Я предузнал мой жребий, мой конец,  
И грусти ранняя на мне печать;  
И как я мучусь, знает лишь творец... [1, с. 361].

Кровавая меня могила ждет,  
Могила без молитв и без креста,  
На диком берегу ревущих вод  
И под туманным небом... [1, с. 361].

Подтверждение почти полностью сбылось. Убит он был в упор Мартыновым, когда подъехал на своем Черкесе к месту назначенной дуэли. Это одна гипотеза относительно предполагаемой дуэли. Другая часть лермонтоведов сходится на традиционной версии – случившейся дуэли, на которой был убит Лермонтов. Хоронили «на диком берегу ревущих вод», как и писал поэт 1831-го 11 июня, вдали от родимых Тарханских мест – пророческие слова из анализируемого стихотворения. Оказалась «могила без молитв и без креста» [1, с. 361]. О «кровавой могиле», упомянутой автором стихотворения, можно говорить со всей уверенностью. Рубашка убиенного вся была пропитана кровью...

Мартынов с Васильчиковым взяли на себя большой грех, пуская по Пятигорску слух о якобы совершенной дуэли, которой на самом деле не было [8, 9]. Эта несправедливость, которая была предугадана раньше, более всего терзала душу поэта: «И как я мучусь, знает лишь творец». Первый биограф поэта П. А. Висковатый не напрасно писал о реакции жителей Пятигорска, желающих мстить Мартынову за подлое убийство поэта [10].

Мгновенную смерть автора цитируемого стихотворения подтверждает медицинское «Свидетельство № 35-й» врача Барклая-де-Толе о характере прохождения пули по телу Лермонтова, приведшего к мгновенной смерти [10, с. 387]. Эти официальные данные подтверждены были подписью врача и гербовой печатью с указанием города Пятигорска и с записанной датой 17 июля 1841 г. Приведенный в качестве примера эпизод подтверждает наличие элементов автобиографизма, формирующих составную часть понятия «лермонтовский человек».

Такую нерадостную картину предскажет Лермонтов за десять лет до реальной расправы – 1831-го июня 11 дня. До нас, к сожалению, не дошли

конкретные сведения, объясняющие причины написания такого странного стихотворения с конкретным годом, месяцем и числом.

В 28 строфе есть одно утверждающее резюме: «И не забыт, умру я». Конечно же, не забудут его в родном краю, бабушка пошлет на Кавказ своих людей, дядьку Лермонтова А. И. Соколова и кучера И. Н. Вертюкова, они отыщут могилу с памятным камнем и привезут останки в Тарханы 21 апреля 1842 г. Здесь уже Елизавета Алексеевна, будто бы догадываясь о деталях кровавого бандитского убийства, похоронит внука по всем христианским традициям: в церкви Михаила Архангела, с отпеванием (грех на себя возьмут местные священники) и воздвижением креста. В этой случившейся судьбе, в контексте сказанного, нужно понимать суждение «в родной стране» той памяти, которую, выдумав, распространяли «чуждые края».

Труднее объяснить любовную тайну, о которой знал только поэт. Он обращается к ней: «Со мною не умрешь: моя любовь // Тебя отдаст бессмертной жизни вновь» [1, с. 354]. Как известно, Лермонтов многим девушкам посвящал стихи, благодаря которым они, как и автор посвящений, приобрели известность. Нет смысла называть их по именам и фамилиям. Главное, поэт оказался прав в своих интуициях: с его именем благодарные читатели называют и их имена. В лермонтоведении появилось понятие «мотив любви». Обессмертил Лермонтов многих женщин, которым посвящал стихи: «С моим названьем станут повторять // Твое: на что им мертвых разлучать?» [1, с. 354].

В продолжение своих пророчеств в 29 строфе он, выдвинув предположение о том, что «все проклянут и память» о нем, как бы поправит себя и уточнит, называя одного «ангела любви»: «Пророчество припомнит ум ее, // И взор теперь веселый и живой, // Напрасной отуманится слезой» [1, с. 361]. Известие о гибели автора стихотворения «1831-го июня 11 дня» потрясло многих. А вот кто «не увлечется мнением», официальным мнением, что «это не убийство, а честный поединок»? С быстро бегущем временем растет число сторонников, осуждающих вымысел Мартынова и Васильчикова о «честном поединке», дуэльном честном поединке. Пророчества поэта продолжают убеждать в правоте стихотворного воображения и дошедших до нас рисунков поэта.

Стремление к неземному, необычному лермонтовского человека не стоит связывать с некими мистическими силами. Скорее всего, это творческий порыв, высекающий искру душевного озарения, которая преобразуется в образные метафорические откровения. Такое озарение дается только гениальным провидцам. Лермонтов относится к их числу.

#### ***Библиографический список***

1. **Лермонтов, М. Ю.** Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. – М. : Художественная литература, 1964. – Т. 1. – 332 с.
2. **Максимов, Д. Е.** Поэзия Лермонтова / Д. Е. Максимов. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 266 с.
3. **Милованова, Т. С.** «Лермонтовский человек» как философский и социокультурный феномен в русской литературе первой половины 1830-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Милованова Т. С. – М., 2012. – 24 с.
4. **Хомяков, А. С.** Сочинения : в 2 т. / А. С. Хомяков. – М., 1994. – Т. 1. – С. 41.
5. **Белинский, В. Г.** Стихотворения Лермонтова / В. Г. Белинский // М. Ю. Лермонтов в русской критике : сб. ст. / вступ. ст. и примеч. Д. Зонина. – М. : Гослитиздат, 1951. – 295 с.

6. Панаев, И. И. Литературные воспоминания / И. И. Панаев. – М. : ГИХЛ, 1950. – 472 с.
7. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М., 1994. – Т. 3. – С. 279.
8. Горланов, Г. Е. Уготованная участь. Роман-исследование / Г. Е. Горланов. – Пенза, 2008. – 202 с.
9. Горланов, Г. Е. Была ли дуэль? / Г. Е. Горланов // Сура. – 2009. – № 3. – С. 156–163.
10. Висковатый, П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Биография / П. А. Висковатый. – М. : Захаров, 2004. – 416 с.

### References

1. Lermontov M. Yu. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1964, vol. 1, 332 p.
2. Maksimov D. E. *Poeziya Lermontova* [Lermontov's poetry]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964, 266 p.
3. Milovanova T. S. «*Lermontovskiy chelovek*» kak filosofskiy i sotsiokul'turnyy fenomen v russkoy literature pervoy poloviny 1830-kh godov: avtoref. dis. kand. filol. nauk [“Lermontov's person” as a philosophical and sociocultural phenomenon in the Russian literature of the first half of 1830s: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of philological sciences]. Moscow, 2012, 24 p.
4. Khomyakov A. S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Moscow, 1994, vol. 1, p. 41.
5. Belinskiy V. G. M. Yu. *Lermontov v russkoy kritike: sb. st.* [M.Yu. Lermontov in the Russian critics: collected articles]. Moscow: Goslitizdat, 1951, 295 p.
6. Panaev I. I. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow: GIKhL, 1950, 472 p.
7. Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t.* [Poetic views of Slavs on the nature: in 3 volumes]. Moscow, 1994, vol. 3, p. 279.
8. Gorlanov G. E. *Ugotovannaya uchast'. Roman-issledovanie* [The settled fate. A novel-study]. Penza, 2008, 202 p.
9. Gorlanov G. E. *Sura*. 2009, no. 3, pp. 156–163.
10. Viskovatyy P. A. *Mikhail Yur'evich Lermontov. Biografiya* [Mikhail Yuryevich Lermontov. Biography]. Moscow: Zakharov, 2004, 416 p.

---

#### **Горланов Геннадий Елизарович**

доктор филологических наук, профессор,  
заведующий кафедрой литературы  
и методики преподавания литературы,  
Пензенский государственный  
университет (Россия, г. Пенза,  
ул. Красная, 40)

E-mail: metlit-pgpu@yandex.ru

#### **Gorlanov Gennadiy Elizarovich**

Doctor of philological sciences, professor,  
head of sub-department of literature  
and literature teaching methods, Penza  
State University (40 Krasnaya street,  
Penza, Russia)

---

УДК 8(47) 82

**Горланов, Г. Е.**

**Лермонтовский человек в постижении генезиса «неземного» в стихотворении «1831-го июня 11 дня» / Г. Е. Горланов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (44). – С. 132–139. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-14**